АЗБУКА ВЕРЫ

Александр Ткаченко

Синдром Пилата или Чистые руки — не признак правоты

Православный портал «Азбука веры» · azbyka.ru

Синдром Пилата или Чистые руки — не признак правоты – материал раздела «Православный портал «Азбука веры»» православного портала «Азбука веры».

Оригинал и другие материалы: azbyka.ru/sindrom-pilata

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект, все материалы которого доступны бесплатно. Поддержать портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Синдром Пилата или Чистые руки — не признак правоты

Александр Ткаченко

Человек становится понятен окружающим через свои поступки и слова. Но личность Понтия Пилата остается загадочной, несмотря на то, что его слова и поступки во время суда над Иисусом описаны в Евангелиях достаточно подробно. Во всем поведении Пилата просматривается какая-то парадоксальная раздвоенность, удивительная смесь из намерений, мотивов и решений, которые вроде бы никак не должны совмещаться в одном человеке.

Пилат жалеет Христа и при этом отдает его на зверское избиение. Хочет отпустить ради праздника, а в итоге отпускает вместо Христа уголовного преступника. Испытывает страх, когда узнает о том, что Христос называл себя Сыном Божьим, но не боится отдать Его на растерзание иудеям. Пытается спасти — и сам же утверждает Ему смертный приговор.

Такая расщепленность воли, мысли, чувства вызывает желание упростить эту противоречивую картину, увидеть ее в «черно-белом» варианте, убрав оттенки и полутона. И выяснить наконец, был ли пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат расчетливым тираном, циничным и жестоким (хотя и не чуждым сантиментов), или же добрым, но слабохарактерным человеком, не сумевшим в нужный момент принять единственно правильное решение. В принципе, евангельская история предлагает достаточно материала как для одного, так и для другого вариантов. Но и при таком подходе все равно получаются как бы две фигуры Пилата, одну из которых по своему выбору мы просто выносим за пределы рассуждения.

Поэтому для более объемного представления об этом человеке имеет смысл рассмотреть его личность в контексте других его поступков, не вошедших в Евангелие, чтобы лучше понять, кем был пятый прокуратор Иудеи и кем он не был.

Ни трус, ни добряк

Прежде всего, нужно сказать, что Пилат не был сентиментальным добряком и трусом, идущим на поводу у толпы. Уже сам факт его

назначения на должность прокуратора Иудеи свидетельствует об этом ярче всего. Из всех захваченных земель Иудея была едва ли не самым беспокойным приобретением Римской империи.

Периодически вспыхивающие восстания, скрытое сопротивление, категорическое нежелание местных жителей становиться подданными Рима — все это создавало массу неудобств правителю этой области. Но самой главной неожиданностью для римлян в Иудее был тот факт, что жители захваченной территории считали захватчиков ниже себя и вовсе не стремились приобщиться к высокой имперской культуре.

Поклоняющиеся Единому Богу иудеи видели в римлянах обыкновенных язычников-многобожников, общение с которыми делало их ритуально нечистыми. Любой римлянин был для иудеев носителем идолопоклонства и разврата. Поэтому вместо обычного среди захваченных народов подобострастия изумленные «победители мира» столкнулись в Иудее с брезгливым презрением. Обычный инструмент римлян — ассимиляция, растворение захваченных народов в плавильном котле Империи, тут оказался бесполезным: поступившие на службу к римлянам иудеи тут же становились изгоями среди соотечественников. Закон Моисея оказался нерушимой скалой, о которую в Иудее разбивались волны знаменитых законов Рима. Вместо безотказно действующей в других местах ассимиляции здесь был установлен лишь хрупкий баланс отношений, готовый в любой момент сорваться в кровавую круговерть очередного восстания.

Вот в такую область был назначен правителем Понтий Пилат. Трус или добряк не смог бы там удержаться и месяца. Пилат же правил Иудеей целое десятилетие, что характеризует его как человека весьма жесткого и последовательного в своих решениях.

Первый скандал

Вступление в должность, о чем писал Иосиф Флавий, Пилат сразу же отметил скандалом. Когда он привел свои войска в Иерусалим на зимнюю стоянку, то приказал ночью украсить все общественные места знаменами с изображением императора. Ни один из его предшественников не решался на подобное, зная, что для иудеев

любое изображение запрещено Законом Моисея. Это было прямым поруганием веры местных жителей. Но Пилат с первых же дней своего правления решил объяснить непокорным иудеям, что спокойная жизнь для них закончена, и теперь только Рим будет определять, как им жить на своей земле.

Сам Пилат во время этой акции предусмотрительно остался в Кесарии (резиденции римских наместников, расположенной в сотне километров от Иерусалима), чтобы поставить иудеев перед свершившимся фактом. Проснувшись, жители Иерусалима с ужасом увидели, что их город осквернен языческими изображениями. Множество иудеев в тот же день двинулись в Кесарию, чтобы просить Пилата об удалении знамен из Иерусалима. Но Пилат остался непреклонен. Тогда пришедшие легли на землю перед его дворцом и лежали так пять суток. На шестой день этой акции протеста Пилат пригласил всех на стадион, якобы для того, чтобы объявить о своем решении. Но когда обнадеженные этим обещанием иудеи пришли к месту, их немедленно окружили тройным кольцом вооруженные легионеры. Пилат, восседавший на судейском кресле, объявил, что каждый, кто не примет императорских изображений, будет тут же изрублен на куски. Легионеры обнажили мечи.

Ответ иудеев был неожиданным. Словно бы по команде все пришедшие снова упали на землю и обнажили свои шеи, демонстрируя немедленную готовность умереть за соблюдение иудейского Закона. Пилат был удивлен такой решимостью. Жалеть бунтующих туземцев было не в обычае римлян, но и начинать свое правление с массовой казни Пилат не захотел. Он пообещал отважным ходатаям убрать знамена из Иерусалима и отпустил их с миром. Однако свою позицию в отношении местных жителей он обозначил предельно четко: римский правитель может помиловать, но может и покарать, вся жизнь иудеев отныне — в руках наместника императора, и любые попытки отстаивать свои права могут закончиться большой кровью.

День ужаса

И эта большая кровь пролилась. Причем случилось это как раз в тот момент, когда Пилат решил облагодетельствовать жителей

Иерусалима одним из главных достижений римской культуры — водопроводом. Как и любой город на Ближнем Востоке, Иерусалим испытывал недостаток пресной воды. Чтобы решить эту проблему, Пилат решил построить акведук, который бы вливал в систему городского водоснабжения дополнительные объемы воды из горных источников, находящихся более чем в сорока километрах от Иерусалима. Это было очень серьезное строительство, стоившее огромных денег. Налогов, уплаченных иудеями, на него не хватало. И Пилат решил взять деньги на водопровод из корвана — храмовой сокровищницы.

Народ, возмущенный таким святотатством, собирался многотысячными толпами возле строящегося водопровода, ругая Пилата последними словами и требуя прекращения строительства. Пилат отреагировал быстро и решительно. Приехав в Иерусалим, он согласился выслушать всех недовольных. Уже зная, что иудеев бесполезно запугивать и убеждать, когда речь идет об их святынях, Пилат распорядился, чтобы римские легионеры надели местное платье и вооружились дубинами, до поры пряча их под одеждой.

Тысячи переодетых воинов окружили толпу, ожидая условного сигнала. Когда возмущенный народ отказался разойтись, Пилат дал с трибуны команду — и началась кровавая бойня. Хорошо обученные солдаты стали нещадно избивать безоружных людей, ломая руки и ноги, круша ребра, разбивая головы. Толпа в ужасе кинулась бежать, насмерть затаптывая на своем пути несчастных соотечественников. Множество жителей Иерусалима погибли во время этой страшной «аудиенции» у Пилата. Урок был усвоен. После него на массовые восстания против пятого прокуратора Иудеи народ уже не решался.

Готовый на всё

Однако отсутствие массовых волнений не сделало Пилата мягче в отношении местных жителей. Евангелие рассказывает о случае, когда по его приказу некие галилеяне были зверски убиты прямо возле иерусалимского храма, в который они принесли свои жертвы. Подробности этой истории неизвестны, но судя по тому, что галилеяне были самой мятежной частью непокорного народа, можно

предположить, что убийство было рядовой акцией устрашения тех, кто еще не смирился перед жестокой властью Пилата.

Наконец, завершил он свое правление массовой резней самарян, которые пытались самовольно произвести раскопки на горе Горезин. Какой-то авантюрист объявил народу, будто знает место на склоне, где пророк Моисей спрятал священные сосуды. Самаряне поверили этой басне и большой толпой собрались в деревушке Тирафане. Сюда подтягивались все новые и новые участники грядущих раскопок, чтобы уже всем вместе подняться на гору. Пилат отреагировал на это событие в обычной своей манере. Посчитав, что собравшиеся затевают бунт, он выслал отряды всадников и пехоты, которые, неожиданно напав, перебили в Тирафане множество ни в чем не повинных людей. Захваченных там же в плен знатных жителей Самарии Пилат распорядился публично казнить. После этой бессмысленной бойни даже римские власти не решились оставлять Пилата наместником в Иудее. Он был отстранен от должности и призван в Рим для разбирательства.

Поэтому разговоры о том, будто во время суда над Иисусом прокуратор якобы испугался народных волнений и пошел на поводу у толпы, выглядят малоправдоподобной версией. Там, где прокуратор считал это нужным, он был готов проливать кровь мятежных туземцев без малейших сомнений и в любом количестве.

Что мог Каиафа?

В «Мастере и Маргарите» Булгаков исходит из того, что Пилат боялся какой-то сложной интриги со стороны первосвященников. Но вряд ли так было на самом деле. И причиной этому была не его личная храбрость или сознание своей правоты. Все обстояло гораздо проще: Пилат обладал высшей властью в Иудее и имел право не только решать вопросы жизни и смерти, но также по своему усмотрению мог назначать или свергать иудейских первосвященников. Так, например, четверых первосвященников сменил его предшественник, четвертый прокуратор Иудеи Валерий Грат. Каиафа же к моменту суда над Иисусом благополучно и бессменно находился на этом посту уже целых восемь лет правления беспощадного и крутого на расправу Пилата. Такое могло

стать возможным лишь в одном случае — если Каиафа полностью устраивал прокуратора и не представлял для него никакой опасности.

При малейшем подозрении Пилат имел возможность немедленно, без всяких согласований сместить его и поставить на это место другого. Правда, по иудейским законам первосвященник выбирался Синедрионом и сохранял свое звание пожизненно. Но много ли значат на оккупированной территории местные законы… Первосвященник — символ высшей религиозной власти иудеев — оказался в те времена послушной марионеткой в руках Рима. Даже ритуальное облачение первосвященника хранилось у прокуратора, который выдавал его владельцу лишь четыре раза в году на большие праздники. Вряд ли у Пилата были серьезные основания опасаться того, кто находился от него в столь глубокой зависимости.

Из вредности

Впрочем, в своем стремлении «прогнуть» иудеев под себя Пилат часто руководствовался даже не государственными интересами Рима, а обыкновенной человеческой вредностью и желанием досадить туземцам. Через это пристрастие он порой ставил себя в весьма неловкое положение уже перед самим императором. О весьма показательном случае подобного рода рассказывает историк Филон Александрийский в тексте «О посольстве к Гаю»:

«Одним из людей Тиберия был Пилат, ставший наместником Иудеи, и вот, не столько ради чести Тиберия, сколько ради огорчения народа, он посвятил во дворец Ирода в Иерусалиме позолоченные щиты; не было на них никаких изображений, ни чего-либо другого кощунственного, за исключением краткой, надписи: мол, посвятил такой-то в честь такого-то. Когда народ все понял — а дело было нешуточное, то, выставив вперед четырех сыновей царя, не уступающих царю ни достоинством, ни участью, и прочих его отпрысков, а также просто властительных особ, стал просить исправить дело со щитами и не касаться древних обычаев, которые веками хранились и были неприкосновенны и для царей, и для самодержцев. Тот стал упорствовать, ибо был от природы жесток, самоуверен и неумолим; тогда поднялся крик: “Не*

поднимай мятеж, не затевай войну, не погуби мира! Бесчестить древние законы — не значит воздавать почести самодержцу! Да не будет Тиберий предлогом для нападок на целый народ, не хочет он разрушить ни один из наших законов. А если хочет — так скажи об этом прямо приказом, письмом или как-то иначе, чтобы мы более не докучали тебе, избрали бы послов и сами спросили владыку".

Последнее особенно смутило Пилата, он испугался, как бы евреи в самом деле не отправили посольство и не обнаружили других сторон его правленья, поведав о взятках, оскорбленьях, лихоимстве, бесчинствах, злобе, беспрерывных казнях без суда, ужасной и бессмысленной жестокости. И этот человек, чье раздраженье усугубило природную гневливость, оказался в затруднении: снять уже посвященное он не отваживался; к тому же он не хотел сделать хоть что-нибудь на радость подданным; но вместе с тем ему были отлично известны последовательность и постоянство Тиберия в этих делах. Собравшиеся поняли, что Пилат сожалеет о содеянном, но показать не хочет, и направили Тиберию самое слезное письмо. Тот, прочитав, как только не называл Пилата, как только не грозил ему! Степень его гнева, разжечь который, впрочем, было непросто, описывать не буду — события скажут сами за себя: Тиберий тотчас, не дожидаясь утра, пишет Пилату ответ, где на все корки бранит и порицает за дерзкое нововведенье, и велит безотлагательно убрать щиты и отправить их в Кесарию, что и было сделано. Тем самым ни честь самодержца не была поколеблена, ни его обычное отношение к городу».

Нетрудно заметить, что противоречивые поступки в конфликтных с иудеями ситуациях для Пилата не были чем-то из ряда вон выходящим. «Ради огорчения народа» он был готов идти на конфронтацию, вплоть до вмешательства самого кесаря. И рассуждая о том, что пятый прокуратор Иудеи якобы боялся коллективной жалобы местных жителей, Филон Александрийский, скорее, выдает желаемое за действительное. По его же собственному свидетельству Пилат был человеком Тиберия. То есть — близким, надежным и многократно проверенным соратником, которых у императора было не так уж много. Налоги Пилат собирал исправно, дороги, мосты и водопроводы при его правлении строились, мятежи подавлялись.

Взятки же, лихоимство и злоба Пилата вряд ли интересовали кесаря настолько, чтобы перевесить ту относительную стабильность, которую пятый прокуратор обеспечивал в этом неспокойном регионе. Десять лет Пилат, при всех творимых им безобразиях, оставался наместником Тиберия в Иудее. И был смещен лишь после его смерти. Думается, если бы жалобы иудеев могли бы ему хоть как-то повредить, он вел бы себя куда как скромнее и осмотрительнее.

Страх язычника

В Евангелиях мы читаем лишь одно прямое упоминание о том, что Пилат испугался во время суда. И произошло это отнюдь не в тот момент, когда ему объявили, будто подсудимый считает себя царем. Эти обвинения Пилат как раз проигнорировал. Но когда иудеи резко сменили фабулу и сказали, что Иисус должен умереть как самочинно объявивший о Своем Божественном происхождении, безжалостный и сумасбродный прокуратор вдруг устрашился, причем, как сказано в Евангелии — в превосходной степени: *…мы имеем закон, и по закону нашему Он должен умереть, потому что сделал Себя Сыном Божиим. Пилат, услышав это слово, больше убоялся (Ин 19:7–8).*

И лишь после этого, с момента, когда Иисус сказал ему …ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше, Пилат стал изыскивать способы отпустить Его.

Сегодня нам трудно реконструировать логику римского язычника, поэтому объяснение поступкам Пилата на суде мы так или иначе пытаемся вывести из неких абстрактных нравственно-этических мотивов, никак не связанных с его религиозностью. Но Пилат был язычником и верил, что у каждого народа есть свои местные божества, с которыми ему нет никакого резона ссориться. Римляне обычно оказывали богам завоеванной территории те же почести, что и богам Рима. Правда, Бог иудеев был совсем не похож на других богов, Его изображение нельзя было поставить в свой домашний пантеон по причине отсутствия такого изображения. Однако враждовать с этим непонятным Богом у Пилата не было никакого желания.

И тут вдруг выясняется, что он только что подверг бичеванию Сына Божьего. В римской религиозной традиции этим словосочетанием

назывались полубоги — дети, рожденные от любви божества и человека, такие как Эней, Геркулес или Эскулап. И хотя измученный, окровавленный Иисус меньше всего походил на античного героя, Пилат испугался. Он видел всю высоту человеческого достоинства, с которой Иисус вел себя во время суда. Видел Его невиновность и благородство. Видел несправедливость осуждения Его иудеями на смерть, и сам признал Иисуса невиновным. Чтобы досадить иудеям, Пилат даже попытался оспорить их приговор и вынес свой — подвергнуть Иисуса бичеванию (жесточайшему избиению римскими бичами, в которые были вплетены куски металла) и отпустить.

Однако иудеи продолжали требовать смерти Иисуса, а Пилат неожиданно выяснил, что приказал бичевать местного «полубога». И тогда ему стало страшно. Не добавило Пилату бодрости и известие от жены, приславшей к нему слугу сказать: *…не делай ничего Праведнику Тому, потому что я ныне во сне много пострадала за Него* (Мф.27:19). Версия о божественном происхождении обвиняемого получила еще одно подтверждение. Пилату нужно было срочно заглаживать свою вину. Но все его попытки спасти Иисуса разбивались о неистовый крик толпы «Распни Его!»

Умыл руки

Здесь и произошло то, что сегодня так трудно понять читателям Евангелия. Если бы целью Пилата было спасение Иисуса, он не остановился бы ни перед чем. Он дал бы команду преторианцам, залил площадь кровью недовольных, разогнал всех уцелевших и отпустил бы Праведника, как и хотел. Но в том и дело, что вовсе не спасение Иисуса было главной целью его попыток отменить приговор иудеев. Пилат всего лишь хотел отвести от себя божественное наказание — гнев Отца избитого им «полубога». Одним из вариантов тут действительно было освобождение Праведника. Но когда Пилат увидал, что иудеи не настроены идти на какие-либо компромиссы и требуют только крови Иисуса, то не стал принуждать их силой. Он решил исполнить соответствующий ритуал, освобождающий его от вины. А чтобы надежнее угодить оскорбленному местному Божеству, ритуал тоже выбрал из местного религиозного закона.

Фраза «я умываю руки» давно уже стала общеупотребительной во многих языках и означает что-то вроде «я сделал все, что мог, и теперь устраняюсь от ответственности за происходящее». В таком значении она стала употребляться после того, как *…Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы. И, отвечая, весь народ сказал: кровь Его на нас и на детях наших* (Мф.27:24–25). О евангельском происхождении этой фразы знают многие. Однако куда менее известно, что таким образом Пилат на свой манер попытался исполнить обряд очищения, предписанный Законом Моисея в тех случаях, когда на территории поселения найден труп убитого человека и никто не знает имени убийцы: *и все старейшины города того, ближайшие к убитому, пусть омоют руки свои <…> и объявят и скажут: руки наши не пролили крови этой, и глаза наши не видели; очисти народ Твой, Израиля, который Ты, Господи, освободил <…> и не вмени народу Твоему, Израилю, невинной крови. И они очистятся от крови. Так должен ты смывать у себя кровь невинного, если хочешь делать [доброе и] справедливое пред очами Господа [Бога Твоего]* (Втор.21:6–9).

Не Иисуса спасал язычник Пилат, когда пытался отпустить Его, а себя хотел защитить от возможной кары. И когда спасти Праведника не удалось, он решил, что для умилостивления иудейского Бога будет достаточно исполнить ритуал омовения рук. Что немедленно и сделал, публично отрекшись от смертного приговора Иисусу, который сам же только что утвердил.

Так виноват или нет?

Поведение Пилата выглядит странным. Хочет спасти — и отдает на смерть; признает невиновным — и утверждает обвинительный приговор; называет Праведником — и отпускает вместо Него убийцу. Однако эта противоречивость поступков лишь подтверждает одну из важнейших идей христианства: без помощи Бога человек не может творить добро. Даже различить добро и зло не способен тот, кто не имеет ответа на вопрос «что есть истина?».

Вся последовательность действий Пилата на суде является

убедительной иллюстрацией к словам апостола Павла, описывающим это бедственное состояние падшего человека: *…Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим.7:18–20). В необновленном благодатью человеке действует грех, искажающий все его благие намерения, выворачивающий наизнанку все его мысли, слова и поступки, превращающий добро и зло в относительные понятия, не имеющие внятных определений. Пилат хотел сделать добро — защитить Христа от иудеев, жаждущих Его крови. Он не хотел смерти Праведника. Но в итоге вошел в историю как судья, вынесший смертный приговор невиновному и умывший после этого руки.

Те слабые искры добра, которые были ему присущи, как и любому человеку, призывали Пилата к справедливости и честному суду. Грех же, действовавший в нем, как и в любом человеке, требовал убийства любого добра, и прежде всего — Верховного Добра, оказавшегося в его власти. Поэтому не в противоречивых закоулках личности Пилата следует искать объяснение тому, что он сделал, а в действии греха на природу человека, пусть даже и желающего добра. Преподобный Иустин (Попович) пишет: «*Разъеденное скепсисом, языческое сознание Пилата <…> действует отрывочно, мыслит фрагментарно: то удивляется Иисусу; то озабоченно спрашивает, почему Он молчит; то властно предлагает обвинителям вопрос: какое же зло сделал Он? Все его сознание разбивается и течет, как по зыбучему песку, и хочет на зернышке песка поставить и построить основание своих заключений о Иисусе. Вся душа Пилата развеяна, вся совесть расстроена, вся воля расслаблена: и его сознание правды, и его ощущение истины, искристо, мгновенно, искра блеснет, и сразу тонет во мраке скепсиса, во тьме сладострастия, в потемках грехолюбия.*

Пилат совершает зло, которого не хочет, а не совершает добро, которого хочет. В этом и заключается вся его ответственность, что он сознательно находится в рабстве такой неправде. Поэтому лекарство от этой болезни не в человеке, не в людях, но

в Богочеловеке. Ибо только Он имеет для этого и лекарство, и любовь, и силу».

При чем тут я?

В разговоре о чужом грехе обычно присутствуют две крайности. Либо согрешившего человека тут же записывают в негодяи, категорически отмежевываются от него и не делают даже малейших скидок на общую нашу болезнь — грех. Либо же напротив — стараются отнестись к грешнику с пониманием, что называется — «войти в положение», и постепенно, незаметно для себя начинают сочувствовать уже не пострадавшему от собственного греха человеку, а самому греху. Можно объявить Пилата и всех других грешников монстрами, посчитать себя «не таким, как все прочие человецы…» и закрыть для себя эту тему навсегда, по сути — отрицая собственную греховность.

А можно, напротив, оправдывать людей, которые из-за действия в них греха совершают ужасные вещи. Например, Пилата. Ну правда ведь — человек как человек, и милосердие иногда стучится в его сердце… А то, что слабость проявил, так это ничего, кто из нас без слабостей? Так в своих положительных проявлениях образ Пилата становится едва ли не примером: мы сочувствуем ему, потому что в нем сочувствуем и своей слабости тоже.

Оправдывая Пилата, мы пытаемся подвести оправдание и под собственный выбор там, где он явно противоречит Евангелию. Это и есть условный «синдром Пилата» — ценой лжи перед собственной совестью предпочесть спокойное ближайшее будущее. Потому что далекое будущее — ну, оно же от меня не зависит, и виноваты там во всех бедах будут, как обычно, злые другие, а не хороший, хотя и слабый я. Так происходит примирение с собственной искаженной грехом природой, которое хотя и дает иногда кратковременный психологический комфорт, но заканчивается всегда катастрофой.

Фарисейская надменность (Пилат — монстр) или же полное оправдание его греха (Пилат вполне симпатичный, хотя и слабохарактерный)… Беда обеих этих крайностей в том, что несмотря на их внешнюю противоположность они в равной степени гарантированно уводят человека от возможности трезво оценить свое

духовное состояние на фоне чужого падения, «примерить» его к себе (как это сделали апостолы, на Тайной Вечери спрашивавшие с тревогой любимого Учителя: «Не я ли, Господи?») и ужаснуться мысли о том, что — да, это могу быть и я тоже. Это не Пилат, а я могу предать невиновного на смерть. Не он, а я готов прогнуться под обстоятельства ценой чужой свободы или даже жизни. Не Пилат, а я способен поступить вопреки собственной совести. Потому что во мне, так же как и в Пилате, действует закон греха, неумолимо толкающий меня на подлость и предательство даже там, где я искренне желаю добра. Посему, кто думает, что он стои́т, берегись, чтобы не упасть (1Кор.10:12). Об этой грозной опасности вот уже две тысячи лет напоминает нам трагическая и противоречивая фигура пятого прокуратора Иудеи Понтия Пилата.

журнал "Фома"

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch